

СОВЕСТЬ НАЦИИ

Д. С. Лихачев

В день кремлевского приема, посвященного пятой годовщине принятия Конституции, стояла теплая солнечная погода. Зима в тот год выдалась снежная, и деревья за городом утопали в снегу. Направляясь к машине, чтобы ехать с дачи в Москву, мельком бросаю взгляд вдоль ограды и с удивлением вижу среди гор снега набухшие почки сирени — как будто она приготовилась вот-вот распустить листки. Поразительное растение, послушное только солнышку. Кажется, сирень как бы оторвана от земли, парит над ней, и ее мало интересует, что происходит вокруг.

Дорога в Москву в этот день была свободна, и через час я уже поднимался по эскалатору в зал приема гостей. После первых тостов присутствующие расслабились, и началось движение: кто подходил к друзьям и знакомым, а кто — к начальству. Я тоже собрался идти к своим друзьям из конституционного суда и вдруг увидел впереди в одиночестве скромно примостившегося Дмитрия Сергее-

вича Лихачева. Он сидел сгорбившись и, казалось, о чем-то думал — для него как будто не существовало ни этого приема, ни сопутствующей суеты. Подошел к нему в некотором смятении: я знал, что в последнее время он отказывался ездить в Москву из-за нездоровья и трудностей, связанных с возрастом. По этой причине он не приехал и на Конгресс российской интеллигенции: тогда собравшиеся слушали его выступление по монитору. Но если он здесь, значит, причина серьезная — не мог же он приехать только на прием, он их очень не любил и всячески избегал. Да, оказалось, он приехал на Совет по культуре, который проводил президент России. Ельцин очень уважал Лихачева и, как мне казалось, немало побаивался.

— Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич! Какими ветрами, как вы себя чувствуете? — наклонившись и полюбив его, спросил я.

Дмитрий Сергеевич чуть вздрогнул от неожиданности, и у него из бокала выплеснулось немного воды.

— Да вот забросила меня судьба, очень не хотелось ехать, чувствую слабость...

Спросив разрешения, я присел рядом с ним и стал рассказывать о Конгрессе, о конкурсе «Окно в Россию», где мы вручали премии его имени лучшим провинциальным музею, библиотеке, театрам и центру культуры. Слушал он внимательно, а я в который раз вспоминал, как это все начиналось...

1997 год. На меня активно давили московские, а затем и санкт-петербургские друзья — требовали начать организацию Конгресса интеллигенции как общественного объединения. Идея Конгресса, казалось, была рождена самим временем — на исходе столетие, которым заканчивается второе тысячелетие. Есть что осмыслить, над чем призадуматься: и каков век уходящий, и что нас ждет в следующем столетии. Важно было понять и роль интеллигенции в нашей стране после тоталитарного режима, когда она была всего лишь «прослойкой», и кто мы сейчас в своем Отечестве. Хотелось избавиться от синдрома раздавленности и при нынешнем состоянии гражданского общества попытаться создать для его совершенствования некую высоконравственную организацию. К тому же, с появлением олигархов, в стране начался настолько откровенный прессинг на Ельцина — в отношении СМИ, раздела собственности, кадровых тусовок, — что многие заволновались. Нужна была организация, способная вести диалог с властью. Вспомнился первый Конгресс интеллигенции 1992 года, когда в присутствии Ельцина состоялся нелестный разговор о некоторых его сомнительных шагах и поступках. Тогда особо горько прозвучали упрёки в

его адрес за отставки Егора Яковлева и Геннадия Бурбулиса. Может быть, и сейчас многие надеялись, что удастся оказать влияние на президента и уберечь его от ложных, непродуманных шагов, а заодно поддержать в борьбе с оппозицией.

Осенью я поехал в Санкт-Петербург на встречу с творческой интеллигенцией. Помог мне организовать встречу Даниил Александрович Гранин — он активно поддержал идею создания Конгресса. Я понимал, что многое зависит от санкт-петербургской интеллигенции, которая в силу обстоятельств была отдалена от власти и сохранила особое состояние духа.

В сопровождении ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А. С. Запесоцкого вошел в зал, где за круглым столом расположились участники встречи. Здесь были Даниил Гранин, Андрей Петров, Кирилл Лавров, Олег Басилашвили, Михаил Пиотровский, Светлана Крючкова, знакомые и любимые артисты, ученые, писатели. Точно так же, как и в Кремле на приеме, сгорбившись и углубившись в свои мысли, сидел Дмитрий Сергеевич Лихачев. Это была наша первая встреча, но мы поздоровались, как старые знакомые. Я немного волновался, ждал, что скажет он о задуманном нами. Его оценки могли быть решающими и самыми неожиданными.

Пожалуй, ни одна встреча в преддверии Конгресса тогда не обходилась без горячего желания чуть ли не каждого участника дать свое толкование понятия «интеллигенция». Одни говорили, что это понятие издавна присуще только России, другие — что это уникальный слой общества, куда безусловно входят и все образованное сословие, и культуротворящий слой, третьи — что это, прежде всего, интеллектуалы и критически мыслящие личности. Тогда я впервые услышал высказывание об интеллигенции Лихачева. Его слова обожгли меня, на их фоне все, говорившееся ранее, звучало бедно и многословно. *«Интеллигент — утверждал Лихачев, — это человек, обладающий умственной порядочностью, свободный в своих убеждениях, не зависящий от экономических, политических условий, не подчиняющийся идеологическим обязательствам».* Так глубоко и ясно, так грамотно мог сформулировать это определение только человек многое переживший, многое перестрадавший.

Но я ждал его приговора по Конгрессу. Тем более, что суровый вид Дмитрия Сергеевича как бы предсказывал что-то неодобрительное в оценке. Дмитрий Сергеевич начал издали:

— Я хочу обратить внимание на следующее. — Тихим голосом произнес он. — Когда Петр решил сломить старую культуру рус-

скую, то перед тем, как приступить к задуманному, он ведь что сделал? Он упразднил патриаршество и оставил страну на несколько лет без патриарха, без духовного главы, по сути — без со- вести. Это не случайно, потому что самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность, одна личность, и для того, чтобы сломить эту личность, нужно ее заменить каким-нибудь со- бором, конгрессом и так далее. Конгресс — как правило, соглаша- тельное объединение, это уже установлено исторически. Поэтому самое важное, чтобы он не превратился в огромное сборище людей, поющих в унисон.

«Но ведь и я так считаю» — подумалось мне. И тут же резанула мысль, что меня как организатора Конгресса, наверное, многие считают человеком из Кремля, посланным *оттуда* создать некий инструмент для власти. Но я везде и всюду подчеркиваю, что об- ществу нужно дискуссионное пространство, с ориентирами на от- дельные личности — на их мысли, поступки, взгляды. Пространст- во, в котором было бы возможно вести диалог с властью и влиять на ее действия. И как бы в подтверждение слышу слова Дмитрия Сергеевича:

— Нужно обратить внимание на то, чтобы все могли высказы- ваться, чтобы звучали разные точки зрения...

Мне стало легче: похоже, Лихачев поддержал идею создания Конгресса. А он, тем не менее, продолжал:

— Нельзя добиваться возвращения вновь к какой-либо единой идеологии, потому что единая идеология рано или поздно приве- дет к фашизму. Совершенно ясно, что единые идеи приводят к то- му, что М. М. Бахтин назвал «единым варварством, одноголось- ем».

Далее Дмитрий Сергеевич высказал несколько идей, которые должны были стать основой в работе Конгресса:

- интеллигенция — это всегда отдельные личности;
- интеллигенция призвана объединиться вокруг защиты демо- кратии, демократических ценностей ;
- нельзя из интеллигенции делать партию, в противном случае интеллигенция сразу перестает существовать;
- не нужно превращать Конгресс в нечто помпезное и обяза- вающее;
- не надо никаких и ни в чем обвинений ни молодежи, ни ин- теллигенции, а также их истерической защиты от кого бы то ни было;
- надо попытаться разобраться в кардинальных государствен- ных вопросах в спокойной обстановке вместе с людьми, наработав-

шими соответствующий опыт в демократическом зарубежье, и не чураться их, а обратиться к ним, как обратился в свое время Петр I к европейским странам.

Дмитрий Сергеевич закончил выступление под аплодисменты. Я понял, что сомнения многих присутствующих уступили место решению создать такой Конгресс.

Я подошел к Дмитрию Сергеевичу по окончании встречи и попросил, если он не сможет приехать на Конгресс, выступить перед телекамерой. Очень жаль, что тогда не было съемки. Дмитрий Сергеевич протянул мне письмо для Б. Н. Ельцина по поводу организации похорон останков царской семьи и участия президента в похоронах. Мы поговорили немного на эту тему. Я тоже считал, что участие президента необходимо — ведь мы прощаемся с эпохой XX столетия и как бы подводим итоги всего того, что сами же и натворили. Кому же, как ни демократическому президенту, подводить и озвучивать эти итоги?

В конце разговора к нам присоединился Даниил Александрович Гранин и повел речь о том, что неплохо было бы Конгрессу установить специальную премию лучшему работнику музея и библиотеки. Дмитрий Сергеевич сразу поддержал эту идею, видно было, что тема эта — его слабость. Известна его крылатая фраза: «Работники библиотек и музеев — последние святые на этой земле». Я согласился, но тут же попросил разрешения премию назвать именем Лихачева. На мгновение задумавшись, Дмитрий Сергеевич согласился...

Итак, Конгресс был создан, прошел его первый съезд, и, по моему, всё у нас получилось так, как и предсказывал Д. С. Лихачев, хотя были попытки сделать из него некую забюрократченную структуру. Но Конгресс практически организовали «снизу» 68 региональных Конгрессов, на съезде состоялся хороший разговор о жизни, о преобразованиях в стране, об ошибках и просчетах, о будущем...

На следующий год в Санкт-Петербурге, в Петропавловском храме проходило захоронение останков царской семьи. У входа в храм я встретился с Д. С. Лихачевым, его дочерью и Д. А. Граниным. Показал им медаль с барельефом Лихачева, которую сделал наш русский «Фаберже» А. Г. Ананов. Медаль понравилась, дочь академика, правда, обронила: «Совсем не похож», на что я ответил, что нам всегда кажется, что рисуют нас не похожими. Посмеялись. Я сказал, что такую же медаль мы готовим и за наибольший вклад в создание гражданского общества. Дмитрий Сергеевич заметил: «Это уже сложнее». Он выглядел молодцом. Бодр, свеж, добрый

взгляд, очень открытые и очень ясные ответы. Если бы мы все друг с другом общались так, как это делал Дмитрий Сергеевич, может быть, исчезли бы лукавство, интрига, коварство в нашем обществе. Он поинтересовался, как идут дела в Конгрессе, сделал несколько дельных предложений.

Первое: нужно проводить коллективные встречи московской и Санкт-Петербургской интеллигенции с провинциальной. Разговор должен быть общим — о судьбе страны. Я поделился с ним тем, что люди трудно едут в провинцию. Согласие дают легко, но когда подходит время, часто отказываются. На что он ответил: «Да, это правда, проблема такая есть». Но обещал помогать, особенно с Питерской интеллигенцией. И второе: нужно максимально участвовать в мероприятиях, проводимых в провинции.

На протяжении всего траурного действия в храме он старался стоять. Если сидел, то когда это разрешалось по процедуре, вставал первым, за ним через некоторое время поднимался и президент. Я уверен, что приезду президента во многом способствовал именно Дмитрий Сергеевич. Ведь он написал Ельцину три (!) письма (это то, что знаю я). И, говорят, в последний день звонил ему. Лучше Лихачева, пожалуй, никто не знал досконально эту проблему и не мог привести всех аргументов в пользу президентского участия в процедуре. Одно его письмо даже было посвящено внутренним отношениям Романовых и иерархии. Поэтому он был очень активен в выработке процедуры захоронения и участия в этом многочисленных родственников Романовых.

...Думаю сегодня о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве — и в памяти сами собой всплывают слова из «Песни о Гайавате» в бунинском переводе:

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе...

Мне все время кажется, что он ушел от нас с этими словами, оставив их нам всем в назидание. «Совесть нации» — так его окрестил народ за умение в любой, самой трудной, порой скандальной ситуации обратиться к властям со своим словом правды и быть услышанным, а иногда и помочь ей выйти из трудного положения....

Он умел найти такие слова.